

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Основатель А. А. Иозефовичъ.

Среда, 2 (15) Юля 1914 года.

Харьковъ.

2-20 июля 1914 г.

ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА.

Писателя не понять и не оцѣнить въ исторической эпохи.

Гнетущій пессимизмъ А. П. Чехова кажется абсолютнымъ, коренящимся въ самомъ «я» покойнаго писателя. Въ самомъ дѣлѣ, въ какой бы уголокъ русской жизни — отъ «верховъ» и до «низовъ» ея — не заглянулъ вдумчивый, проникновенный взглядъ художника, вездѣ онъ находилъ преимущественно мрачныя тона, меланхолическія краски...

Но какой громадной, уродливой ошибкой было бы объяснить пессимизмъ чеховскихъ твореній именно этимъ моментомъ — исключительной меланхоличностью натуры самого автора!

Большее оскорбленіе памяти писателя трудно было бы нанести. Это значило бы заподозрить истинность, правдивость его художественныхъ твореній. Значило бы заподозрить его въ оторванности отъ жизни, къ которой онъ, напротивъ, былъ такъ близокъ, которую съ такой душевной болью и тоской рисовалъ на своемъ полотнѣ во всей ея неприглядности.

Чеховъ — великій мастеръ.

Его упрекали въ томъ, что онъ — слишкомъ художникъ, будто бы «добру и злу внимающій равнодушно». Но его нельзя упрекнуть въ извращеніи русской жизни, въ пессимистической тенденціозности.

Надо знать эпоху Чехова. Ужасъ тупой и пошлой обывательщины, забитость и приниженность однихъ, торжествующее хамство другихъ, и все это — на фонѣ жуткой реакціи, на фонѣ тяжелаго отчаянія, охватившаго съ 80-хъ годовъ наиболѣе чуткіе элементы русскаго общества.

Часто можно встрѣтить указанія на отсутствіе у Чехова опредѣленнаго общественнаго міросозерцанія. Но прочтите его грустные творенія, развѣ за ихъ героями, то пошлыми, то униженными, то слабыми и «ноющими», не видна авторская тоска, душевная боль человѣка, живо отзывавшагося на окружающіе его «ужасы жизни».

Именно поэтому-то художественныя творенія А. П. Чехова и стали историческимъ документомъ его эпохи.

Наканунѣ, совсѣмъ у порога новой общественной жизни, 10 лѣтъ тому назадъ, смерть оборвала нить дорогой намъ жизни. Антона Павловича не стало.

Былъ моментъ: дрогнула русская земля; темныя тѣни зашатались, поблѣднѣли; забурлила бодрая жизнь проснувшегося дня.

И «три сестры», и «дядя Ваня», и обанкротившійся профессоръ изъ «Скучной исторіи», и пришибленные чиновники, и мрачные, безпросвѣтные «мужики», и жалкаго типа рабочіе изъ «Моей жизни» — всѣ вдругъ стали какъ-будто другими, бодрыми, сильными, смѣлыми. Или — по крайней мѣрѣ, — ступевались, отступили на задній планъ предъ лицомъ новой жизни и новыхъ людей.

Ан. П. предчувствовалъ наступленіе «новаго» въ русской жизни, но судьба не дала ему счастья своими глазами увидѣть хотя бы на мигъ, хотя бы временное крушеніе той жуткой эпохи, которая вампиромъ лежала на груди у русскаго общества...

Россія не забудетъ писателя, показавшаго ей со всей силой своего дарованія ужасное, отвратительное, отталкивающее лицо эпохи реакціоннаго упадка.